

Сказав это, Яньчи отвернулся, словно больше не желал даже смотреть в сторону Цзи Хуайчжэня.

На миг Хуайчжэню почудилось, будто юноша раскрыл его истинное имя, но он тут же отбросил эту мысль. Зная нрав Яньчи, стоило тому прознать, что всё это время Тайфу водил его за нос, выдавая себя за Лу Шии, обманывал его тело и сердце ради забавы — он бы живьем содрал с него кожу.

Цзи Хуайчжэнь до сих пор помнил, как этот мальчишка одним лишь усилием руки метнул тяжелый, в половину человеческого роста клинок. Оружие пронзило врага насквозь и наполовину ушло в каменную кладку стены.

Самому Цзи не то что метнуть — вытащить этот нож из стены стоило бы немалых трудов.

Яньчи явно решил, что теперь-то разглядел «Лу Шии» во всей красе. Теперь любое проявление доброты он принимал за коварный расчет, а ласку — за притворство. И, по совести говоря, он не так уж сильно ошибался.

Юноша уже привык к скверному нраву «Цзи Хуайчжэня» и больше не мог верить в благородство «Лу Шии».

В комнате воцарилась тишина. Хуайчжэнь не стал оправдываться, своим молчанием подтверждая худшие подозрения.

«Не верит — и не надо, — подумал он. — В конце концов, это была лишь случайная связь под чужим именем, мимолетное замужество. Стоило ли о чем-то жалеть?»

Раз маски сорваны, больше не было нужды заискивать и ублажать. Теперь оставалось лишь одно: носить имя Лу Шии перед Яньчи и остальными, пока они не покинут эти края, и не попасться.

— Раз так, — бесстрастно нарушил молчание Хуайчжэнь, — когда мы выступаем?

Видя, что после разоблачения тот даже не потрудился сочинить хоть какое-то оправдание, Яньчи окончательно пал духом.

— Выезжаем ночью, — глухо отозвался он. — Сингэжилэ приготовил коней и провизию. Когда стемнеет, нужно избавиться от трупа под кроватью.

Хуайчжэнь лишь коротко кивнул. Говорить им было больше не о чем.

Сквозь закрытые окна доносились пьяные крики и смех. Солдаты, служившие под началом сурового Ляна Чунгуана, изголодались по веселью и выпивке. Худе сдержала слово — её хмель валил с ног даже самых крепких бойцов. Цзи Хуайчжэнь отрешенно смотрел в пустоту, не глядя на Тоба Яньчи. В ушах звенело от уличного шума, а в носу всё еще стоял терпкий запах серы от свадебных фейерверков.

Казалось, во всем мире кипела жизнь, и только здесь, в покоях новобрачных, веяло холодом могилы.

Два человека, которым в эту ночь полагалось бы тонуть в объятиях друг друга, сидели по разные стороны. Не будь за дверью посторонних, Яньчи, верно, и минуты бы здесь не остался.

Хуайчжэнь тоже не любил навязываться. Он просто отвернулся к стене, натянул одеяло и провалился в тяжелую дрему в комнате, где прямо под ним остывало мертвое тело.

Ни свадебного вина, ни поднятия фаты — Цзи Хуайчжэнь так и не узнал вкуса этих мгновений. В день своего венчания он делил ложе с мертвецом, спрятанным под кроватью.

Лишь к сумеркам Лян Чунгуан увел своих людей, и семья Сингэжилэ наконец смогла вздохнуть спокойно.

С наступлением темноты Яньчи, переодевшись в черное, приготовился избавиться от тела.

У него были высокие надбровные дуги и глубоко посаженные глаза; теперь, когда нижнюю часть лица скрывала черная ткань, его взгляд казался еще более резким и хищным. Хуайчжэнь безучастно наблюдал, как юноша взвалил труп на плечи и бесшумно растворился в ночной тени.

О том, куда он денет тело Лже-Саньси, Цзи Хуайчжэнь не спросил.

Он сел за стол, разбирая вещи, собранные Сингэжилэ. Провизии едва хватало до Вэньяна, нашлось несколько связок лечебных трав от кашля — вот и всё нехитрое подношение.

Хуайчжэнь задумчиво перебирал свертки, когда в дверь тихо постучали.

Он уже потянулся было открыть, но замер. Кто мог прийти в такой час, да еще и стучаться?

Человек за дверью, словно разгадав его сомнения, постучал снова и негромко произнес:

— Цзи Хуайчжэнь, открывай. У меня есть разговор.

Этот голос, это имя... Лян Чунгуан!

Хуайчжэнь колебался лишь мгновение, прежде чем отпереть засов. Захоти Лян его арестовать, он бы сделал это днем — одного приказа хватило бы, чтобы от них с Яньчи не осталось и мокрого места.

Раз он пришел один, значит, решил дать им шанс.

Суровый военачальник сменил доспехи на обычное платье, но даже простая одежда не могла скрыть ауру закаленного в боях ветерана. Он вошел без приглашения и сел за стол. На его густых бровях застыл иней — очевидно, он не знал, когда Хуайчжэнь решит бежать, и караулил поблизости всё это время.

— Говори, зачем пришел. Только покороче.

Несмотря на дерзкий тон, Хуайчжэнь налил гостю чаю — своего рода плата за то, что тот не выдал их днем.

Лян Чунгуан рассеянно обхватил чашку. Его пальцы, огрубевшие от меча и покрытые старыми мозолями, выдавали в нем истинного мастера воинских искусств.

— Не так давно тебя лишили должности из-за дела Третьего принца, — заговорил он. — Теперь, когда Лу Шии пал, при дворе не осталось верных людей, и Ваше Величество вернул тебе звание Тайфу. Но если ты сейчас в Фэньчжоу, то кто является на аудиенции в Шанцзине? Неужто господин Лу?

— Раз уж сам догадался, к чему лишние вопросы? — Хуайчжэнь одарил собеседника натянутой улыбкой. — Все знают, что капитан Лян — верный пес Императора, сердце его принадлежит лишь долгу, а дворцовые интриги его не заботят. И вот ты среди ночи притащился ко мне. Спрашивай прямо, чего хочешь, может, я и отвечу.

Лян Чунгуан на мгновение замолк. Он отвел взгляд, крепче сжимая остывшую чашку, и вдруг спросил:

— Твоя сестра... она знает?

Хуайчжэнь мгновенно парировал:

— Моя сестра? О ком ты говоришь?

Он требовал признать статус Цзи Ванься. А затем добавил с едкой усмешкой:

— И кто ты такой, чтобы спрашивать?

Капитан промолчал.

— Нечего сказать? Тогда я тебе напомню, — Хуайчжэнь, секунду назад улыбавшийся, вдруг с грохотом вскочил, опрокидывая стул. Он вцепился в воротник Ляна, едва сдерживая желание ударить по этому вечно бесстрастному лицу. — Моя сестра — Цзи Ванься. И кто она такая? Дочь благородного рода Цзи, Императрица Великой Ци, мать Четвертого принца! Она — моя плоть и кровь!

Он не договорил главного: он сделает племянника императором, а сестру — вдовствующей императрицей. Она будет любить кого захочет и делать что пожелает. И больше никто не посмеет заламывать ей руки, не обращая внимания на её крики, чтобы нанести на запястье киноварь целомудрия.

— А ты, Лян Чунгуан, — лишь безликий инструмент, ослепленный своей никчемной преданностью.

Когда Император затеял свадьбу с новой избранницей и вся страна праздновала, Хуайчжэнь во главе отряда Сяоцзиньтай был тайно отослан в Хуайхуа. Перед отъездом он даже не подозревал, что сестру выдают замуж. Стоило ему покинуть столицу, как был оглашен указ о назначении Цзи Ванься императрицей.

Позже он узнал: в ночь свадьбы Ванься бежала из дворца по тайному ходу. Её поймал и вернул лично Лян Чунгуан со своими людьми.

На обратном пути разразилась сильнейшая метель — такой в этих краях не видели десять лет. Им пришлось укрыться в полуразрушенном храме. Солдаты — два десятка отборных гвардейцев — оцепили здание, стерегли сестру как опасную преступницу.

Цзи Ванься не могла даже поднять головы под тяжестью драгоценного венца феникса. Подол её алого платья волочился по грязному снегу. Она плакала так, что сердце разрывалось, и была в своем горе ослепительно прекрасна.

Избалованная старшая дочь семьи Цзи, чей наряд и стол были богаче, чем у принцесс... Она не знала отказа ни в чем. У неё было всё, о чем другие только мечтали.

Её колени никогда прежде не знали боли, и первый раз она упала на них в день своего венчания. Она не ведала, что пушистый снег может быть таким жестоким. Та метель проморозила Императрицу до костей; она стояла на коленях, пока её платье не пропиталось влагой и не застыло ледяной коркой на коленях.

Она плакала и умоляла своего возлюбленного пощадить её, дать ей путь к спасению.

А этот Лян — в своей железной броне, с тяжелым копьём — застыл у ворот храма незыблемой скалой. У него посинели губы, а на ресницах замерз лед, казалось, толкни его — и он рассыплется на осколки. Но его сердце оставалось тверже камня. Он ни разу не опустил взгляда на Цзи Ванься.

Будь Хуайчжэнь тогда рядом, разве позволила бы его сестра кому-то так унижать её?

Он клялся, что в её жизни больше никогда не будет такого снега. Он сделает всё, чтобы ей больше никогда не пришлось просить чужаков о милости.

— Отчего же ты так суров? — Голос Хуайчжэня дрогнул от боли за сестру. Он смерил Ляна полным ненависти взглядом. — Когда она рыдала у твоих ног, была ли в тебе хоть капля жалости? Почему ты не смел смотреть на неё? И как у тебя хватает наглости теперь спрашивать о её судьбе?

Лян Чунгуан тяжело задышал. Его взгляд на миг дрогнул, подернулся дымкой воспоминаний, но тут же снова стал холодным.

Он перехватил руку Хуайчжэня, сжатую в кулак, и палец за пальцем разжал его хватку на своем воротнике. Он не стал оправдываться.

— Я исполнял волю Его Величества, возвращая Императрицу во дворец. Моя совесть чиста.

Слова падали веско, как удары молота. Капитан снова уставился в свою чашку.

— Довольно!

Хуайчжэнь боялся, что если они продолжат, он не удержится и убьет его прямо здесь. Ярость опалила его изнутри, в горле запершило, и он зашелся в приступе кашля.

Кое-как уняв зуд, он обернулся к этому истукану. Тот всё так же смотрел в пустую чашку, будто в ней была скрыта истина или над ней реяло знамя его непоколебимой верности долгу.

— Скажи мне... — Хуайчжэнь понизил голос до шепота, — А Цюань имеет к тебе отношение?

Лян опешил, но быстро понял намек. Даже самые гнусные оскорбления не приводили его в такую ярость, как этот вопрос.

Этот обычно невозмутимый воин буквально вспыхнул от гнева. Он уставился на Хуайчжэня,

скрежеща зубами:

— Мы с твоей сестрой чисты друг перед другом. Твои слова — оскорбление её чести.

— В самом деле?

Хуайчжэнь поначалу не поверил. Любому, у кого были глаза, было ясно — А Цюань ни капли не походил на Императора.

Но гнев Ляна был слишком искренним, чтобы быть игрой. В конце концов, с его-то прямолинейностью, если бы между ним и Ванься что-то было, он бы скорее покончил с собой от стыда, чем скрывал это.

Хуайчжэнь хмыкнул и окинул его презрительным взглядом с головы до ног.

— Раз так, то и славно. На рассвете я уезжаю в область Гунчжоу. У моей сестры найдутся защитники, так что лучше займись своими делами и не суй нос куда не просят.

Сейчас он не доверял никому, и уж точно не собирался откровенничать с Ляном.

Немного помолчав, он нехотя добавил:

— Я умею платить по счетам. Ты помог мне сегодня, и я этого не забуду. Когда я покончу с Лу Шии и вернусь в столицу, я припомню твою услугу.

— Господин Лян, готовься к повышению.

Лян Чунгуан проигнорировал его щедрость. Было очевидно, что никакие чины не заставят его желать встречи с таким непредсказуемым человеком, как Цзи Хуайчжэнь. Он уже собрался уходить, когда Хуайчжэнь окликнул его:

— Остерегайся Лу Шии.

Лян бросил на него короткий взгляд, поняв, что это не просто угроза, а предупреждение. Он молча кивнул и вышел.

Вскоре вернулся Яньчи. Видя его пустые руки, Хуайчжэнь понял — дело с трупом кончено. Они решили не ждать утра и уйти немедленно, оставив лишь короткую записку семье Сингэжилэ.

Яньчи подвел коня и легко заскочил в седло.

Но Хуайчжэнь не был бы собой, если бы не проявил свою натуру. Этот лентяй, привыкший выходить из повозки, используя чужую спину вместо подножки, и есть виноград только из рук красавиц, просто протянул руку, ожидая, что Яньчи втянет его наверх. Оказавшись в седле, он и тут не унимался: по-хозяйски обхватил Яньчи за талию и положил голову ему на плечо.

— Убери руки, — прорычал Яньчи.

— И где это я ими шарю? — невинно отозвался Хуайчжэнь. — Я просто держусь. Давай, трогай уже, не ворчи.

Он сам пришпорил коня, тот громко заржал и сорвался с места. Всадники скрылись в ночи, держа путь на Вэньян.

Четыре часа спустя

Патруль обнаружил в городской реке тело. Лян Чунгуан, едва успевший забыться сном, немедленно прибыл на место. Его подчиненный, осмотрев утопленника, удивился:

— Мы его вчера весь день искали, а он, видать, спьяну в воду свалился.

Лян отослал лишних людей и приказал вытащить тело на берег. Затем велел принести кувшин вина, облил им мертвеца и влил остатки ему в рот.

— Командир...? — недоуменно спросил помощник.

Лян Чунгуан поднялся и холодно бросил:

— Дело закрыто. Несчастный случай.

Семь дней спустя

После долгого пути, перемежаемого спорами и взаимными уколами, Яньчи и Хуайчжэнь наконец достигли стен Вэньяна. У городских ворот стражи было вдвое больше обычного. Каждого въезжающего тщательно проверяли, сверяясь с портретом в руках.

И на том портрете был изображен разыскиваемый преступник — «Лу Ши». »

<http://bllate.org/book/15318/1412800>